

ПОЕТ ГЯУРОВ

САМАЯ ОБЩАЯ, но выразительная примета необычности рецензируемого спектакля, весьма скромно обозначенного в программе 398-м со дня первого представления «Бориса Годунова» в Большом театре, — огромное скопление публики. На этот раз столичный зал, к слову сказать, никогда не испытывающий недостатка в поклонниках музыкально-сценического искусства, вместил зрителей, без преувеличения, в полтора раза больше нормы.

Еще бы! Событие: в заглавной партии выступил давний знакомый и любимец москвичей, болгарский артист Николай Гяуров. Его хорошо знают в нашей стране — знают со студенческих лет, когда он был воспитанником Московской консерватории, знают как стажера Большого театра, как гостя Москвы, неоднократно приезжавшего с концертными программами, как участника гастролей театра Ла Скала, с блеском раскрывшего свой талант в спектакле «Севильский цирюльник». И вот новая встреча — в «Борисе».

Стало уже традицией каждое новое исполнение партии Годунова непременно сравнивать с шалашинской трактовкой. Естественно, мы лишены этой возможности, так как до нас шалашинский Борис дошел лишь в отрывках, в граммофонных записях. Поэтому возможно судить и измерять успехи нынешних Борисов лишь в «чистых» единицах, сопоставляя с партитурой Мусоргского, сравнивая между собой работы тех или иных антеров, выступавших в этой роли.

Самое примечательное в Борисе Гяурова — необычайная глубина и жизненная достоверность образа. Именно жизненная достоверность: разнообразие психологических нюансов, тончайших, сложных, человечность, трепетность речи. Артист не поет, а «говорит», теплым человеческим языком высказывает свои мысли и чувства. Мгновенное переключение из одного состояния в другое, мгновен-

Николай Гяуров поет партию Бориса в опере «Борис Годунов». Фото А. Лесса (ТАСС).

ная смена настроений — и все это средствами вокала: мудрость и величие опытного правителя государства, тепло и нежность любящего родителя, жестокие муки совести кающегося убийцы.

Совершенно четко с первого же появления Гяурова — Бориса на сцене ощущаешь зерно образа — трагическую обреченность героя. Истинная царственность во всем облике Бориса, в выражении лица, в торжественной поступи его. Но одна маленькая деталь, один тончайший штрих в голосе, и ты ощущаешь, какие огромные муки переживает правитель государства.

Поистине огромной трагедийной силы достигает певец в сцене бегства Бориса — душевная мука, скорбь, мучительный страх. Слово затравленный зверь, мечется он. Интонации голоса то раскатисто-грозовые, kloконуше-трепетные, то приглушенно хриплые, на шепотке. Сатанинские краски и

страдальческие, любовно-нежные и трагедийные.

Необычна, нова трактовка сцены смерти Бориса: нет здесь привычной экспрессии, патетики. Напротив, Гяуров предельно очеловечивает эту сцену, проводит ее сдержанно, сурово, едва-едва слышимым шепотом произносит он последние слова. И это, признаюсь, производит куда более сильное впечатление, чем несколько истерических предсмертных крики Бориса, которыми обычно заканчивалась сцена смерти.

Итак, ответственной задачей, к которому, по словам Николая Гяурова, он с тщательностью готовился, выдержал. Спектакль прошел с огромным успехом. В остальных ролях выступили Е. Образцова, Г. Андрищенко, М. Миглау, Т. Синовская, А. Соколов, А. Ведерников, В. Левко, А. Масленников. Дирижировал спектаклем Г. Рождественский.

М. ИГНАТЬЕВА.

ЛИТЕРАТУРА
МОСКВА

15 ИЮН 1957